

В ОЖИДАНИИ ДОБРА

Юрия Никулина знают все. Знают как Чарли Чаплина, как удивительно смешную маску, как образ, тип, давно отделившийся от создателя и заживший самостоятельной жизнью.

Анекдоты про него сочиняют!

Больше никто из наших актеров такой чести не удостоивался, хотя, конечно, анекдотный Василий Иванович похож не столько на самого себя (какой он был, никто и не помнит!), сколько на киногероя, на Бабочкина, одним словом. А Шерлок Холмс — на Ливанова, даже и положено, заканчивая анекдоты стабильным «Элементарно, Ватсон!», произносить эти слова характерным ливановским голосом.

Но все же анекдоты — про Чапаева, про Холмса. А тут — про Никулина.

Правда, оговорюсь: анекдоты не про одного Никулина, а еще про Вицину и Моргунова.

Но давно не снимаются ни Моргунов, ни Вицина. Ни Никулин.

А маски Труса, Бывалого и Балбеса остались. Только клички-названия не прижились — придуманы они были уж больно впопыхах. Да и нужны ли оказались?

Нужны. Иначе как их назвать — Федя, Вася, Дима? А может, и правда... Ведь воспринимали зрители трех веселых полужуликов-бедолаг как живых людей. Ведь и у чаплинского героя тоже имя было — Чарли. А этим вот не дали...

Какие тогда были добрые и спокойные времена! Нет, конечно, многое представлялось ужасным, но не чета же сегодняшнему кошмару!

Сейчас в народе уже нет сил на юмор — лишь на едкую, злую сатиру, которую хочется из себя выплевывать с желчью и матом.

Может, стоит подумать о возвращении или создании новой маски?

Никулин был (заявляю наверняка) самым симпатичным и узнаваемым в знаменитой троице. Он был в чем-то трогателен, он был чужак, он был творец и генератор идей (естественно, идиотских), он был добр (во всяком случае, не зол), и вообще в два раза более свойский и советский, чем гаденький псевдоинтеллигент Вицина (персонаж чуть надуманный) или несколько устрашающе «паханообразный» дуб Моргунова.

Герой Вицина (постоянный кинематографический образ), рискну предположить, умер вместе с антиалкогольной кампанией — над пьяницами смеяться уже как-то не хочется, да и надоело. Герой же Моргунова мог бы жить, но... вот актер-

ская судьба! — правда, актер изредка появляется, но... но...

Соловьевский дядя Кока из «Черной розы — эмблемы печали...» — сын Балбеса.

Балбес (или, точнее, «Никулин») — лучшая маска советского кино, ибо она не интернациональна и не искусственно выдумана, а такая до боли НАША — это соединение пьяницы, работяги, бомжа, простого парня «из народа» и тупого добряка, могущего (в жизни!) в любую минуту и ножом кого-нибудь пырнуть по крупному подпиту или дурости.

Образ будто претерпевает изменения, варьируется (в других фильмах). Конечно, замечательно, что произошло именно так — в том и беда Моргунова и Вицина, что этим двум отличным актерам так и не было предоставлено более интересный материал в рамках маски.

Комедиинному артисту (да в принципе любому, но комедиинному в особенности) маска необходима. И сценарии для него должны писаться, разумеется, с учетом маски, устойчивого имиджа.

Но — когда существует индустрия коммерческого кино.

У нас же — хорошо началось, мгновенно вспыхнуло и погасло безвозвратно.

А как хорошо началось! «Пес Барбос и необычный кросс», «Самогонщики» (ну, короткометражный фильм как явление сейчас вообще почил в бозе), затем — «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница»... И-и...

И что? Все! Но — вот были комедии! В полном смысле слова. Их называли эксцентрическими, а, в сущности, то были просто подлинные комедии! Это потом пошло — лирические, драматические, психологические, сатирические, траги...

А здесь можно было просто поржать! Отдохнуть! Не случайно Кончаловский сказал, что в Америке Гайдай стал бы богатейшим режиссером.

Но — довольно ностальгических придыханий. О веселом же актере пишу, о комике.

О комике, говорите?

Ведь почти одновременно с появлением на свет Балбеса появился и Кузьма Иорданов («Ко-

гда деревья были большими»), и лейтенант милиции Глазычев («Ко мне, Мухтар!»). Балбес превращается в немного наивного, простодушного и доверчивого, неудачливого чудака, в глубине души (а когда и напоказ) порядочного и честного.

Никулин заявил себя как большой драматический актер.

Все его герои в общем-то похожи — только одни отрицательные, другие — положительные.

Но не случайно их так полюбили зрители — сквозь них виден сам Юрий Никулин: его доброта и сочувствие прорываются к нам с экрана. Он как будто говорит: «Люди! Да будьте доверчивее, прощэ, добросердечнее — уберите подозрительность, расстаньтесь с завистью!»

К доброте тянутся.

Но вот такой вопрос: а с кулаками ли добро Никулина? Или это то слабое добро, которое хочется пожалеть и поплакать над ним?

Ни то и ни другое.

Ибо его «кулак», его защита — шутка, к нему не подступишься — юмором срежет, — да и подступаться не хочется, благо и врагов у него нет, а мерзавцев он так точно выводит на чистую воду, что все кругом принимают — да, это были мерзавцы. Конечно, простодушность его спасает — будешь с ним хитрить, искать в его поступках тайный и коварный смысл, строить хитрые планы — сам на свое зло и напорешься, а он выигрывает, даже не помышляя о том.

А вообще ему повезло. Он в окружении тоже добрых, отзывчивых людей. С другими знаться не жалеет.

И вот никулинский жулик («Деловые люди») готов скорее подружиться со своей жертвой, чем грабить ее.

Алкаш и самозванец («Когда деревья были большими») осознает несправедность своего беспутного пути.

А Балбес («Кавказская пленница») на некоторые мгновения становится просто отличным парнем — правда, потом вспоминает как бы о своей функции, весьма отрицательной.

Но — это все 60-е годы. Приходят 70-е, стареет актер, и тема его терпит определенные изменения. Уже сыгран монах из «Андрея Рублева»

(единственная, по-моему, неудачная работа Никулина — он, на мой взгляд, не вписался в мир Тарковского, разрушил его все той же тотальной, хронической простодушностью). Сыгран «чужак» из «Бриллиантовой руки», ипостась Балбеса, но этакий Балбес-полуинтеллигент, Балбес-ИТР, перопоспитавшийся и поумновший Балбес, утративший дурные наклонности.

В начало 70-х актер создает одну из лучших своих ролей — следователя Мячикова в «Стариках-разбойниках» — неожиданно мрачном для Э. Рязанова фильме, даже не трагикомедии, а антикомедии, где все приключения, связанные с желанием героя, полного сил, не уходить на пенсию, оказываются тщетными, не приводят ни к чему. Общество поворачивается к Добру спиной.

Что ж? Все реже появление актера на экране — в обществе мало-помалу пропадает тоска по добру — уж больно оно отдаёт идеализмом...

Лишь в цирке Никулин по-прежнему дарит... не добро — радость, выступая все в том же образе — полуалкаша, полужулика, полусмешного прохожего.

Теперь актер начинает нести трагическую тому. Простодушие доброго и веселого клоуна обречено на гибель. Вот «Они сражались за Родину» — Никулин в роли рядового Некрасова, полкового краснбая: над ним подшучивают, подсмываются, он без обиды сносит подколки, подковырки — наверняка его ждет смерть, как и всех героев фильма. — никуда не деться, лето 1942-го, Дон, пехота... Где там выжить? Характерно, что хоть мы и не знаем, погиб ли Некрасов, Никулин дает нам это почувствовать — погибнет. Уж как, неизвестно. А догадываешься.

Затем — Лопатин в «Двадцати днях без войны». Существует мнение, что в «гиперреалистические» ленты типа германовских надо брать никому не известных актеров, чтобы не разрушать достоверности. Однако А. Герман всегда брал не то чтобы известных — знаменитых. И не проигрывал.

Так и в «Двадцати днях». Ему в качестве главного героя (наблюдателя, рассказчика, как бы являющегося и от автора) нужен был именно Никулин. Кстати, впервые здесь актеру предстоит сыграть любовь. Ну какой уж, кажется, Никулин любовник?

А сработало. Если идти как раз от достоверности — что, только красивых любят, что ли? Да тем более в тыловом городке, когда «все мужчины ушли»...

Потому и понадобился Никулин, что играет тему доброты, теплоты и сочувствия. Его герой Лопатин всех спокойно выслушивает, никого не осуждает, ни на кого не обижается — он все понимает... Он как бы «альтер эго» Никулина, он знает что-то большее, он кажется современным человеком, попавшим в то время. И при этом удивительно типичным (даже по внешности) для 40-х годов.

Еще раз тему всепоглощающей и бескорыстной доброты Никулину предстоит сыграть у Р. Быкова в «Чучеле». Его персонаж, дед Бессольцев, «Заплаточник» — как бы последняя точка Добра в сером, мрачном мире. Да, Добру уже делать нечего, оно предельно гонимо. Здесь же это еще и воплощение глубокой интеллигентности. Дод — чудом сохранившийся реликт XIX века, сберегший в себе подлинную высоту духа, подлинное милосердие.

Но и он уходит из города... А куда? — Бог знает!

Так нам стало ясно, что герой Никулина не просто добряк, а оказывается, еще и настоящий русский интеллигент. Даже осли с виду и просто: ват.

Да, он ушел из нашего города...

И нет Никулина на экранах.

Какое уж сейчас Добро! Какое милосердие! Быть бы живую!

И лишь никулинские анекдоты в «Огоньке» читаем мы теперь. Выдающийся артист снова дарит нам крупницы радости...

Александр ШПАГИН